

А. С. Мухин

Палладианский ландшафт как культурное наследие

Статья посвящена формальному и смысловому единству архитектуры и ее природного окружения. Автор рассматривает палладианский ландшафт как гармоничную совокупность элементов, восходящих к зодчеству позднего Ренессанса, к творчеству Андреа Палладио. В исследовании выявляются примеры использования композиционных приемов по созданию художественного и символического единства здания и пейзажного пространства, естественного или рукотворного. Итальянский опыт эпохи Возрождения проецируется на эволюцию строительного искусства Нового и Новейшего времени. Среда памятника понимается в качестве культурного наследия. Обозначены проблемы сохранения урбанистических кластеров, а также пригородных и сельских территорий, имеющих историко-культурную ценность. Выявлен утилитарный характер использования «свободных мест» при уплотнительной застройке, разрушающей оптические связи исторических локаций, которые должны сохраняться для достижения зрительных эффектов в процессе постижения эстетической и семиотической сущности объектов архитектурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, культурный ландшафт, палладианство, Андреа Палладио, архитектура Ренессанса, памятники архитектуры, градостроительная среда

Andrej S. Mukhin

Palladian landscape as a cultural heritage

The article is devoted to the formal and semantic unity of architecture and its natural environment. The author considers the Palladian landscape as a harmonious combination of elements dating back to the architecture of the late Renaissance, to the work of Andrea Palladio. The study identifies examples of the use of compositional techniques to create an artistic and symbolic unity of the building and landscape space, natural or man-made. The Italian experience of the Renaissance is projected onto the evolution of the building art of Modern and Contemporary times. The environment of the monument is understood as cultural heritage. The problems of preserving urban clusters, as well as suburban and rural areas of historical and cultural value, are outlined. The utilitarian nature of the use of «free spaces» during compacted development, which destroys the optical connections of historical locations, which must be preserved to achieve visual effects in the process of comprehending the aesthetic and semiotic essence of architectural heritage objects, is revealed.

Keywords: cultural heritage, cultural landscape, Palladianism, Andrea Palladio, Renaissance architecture, architectural monuments, urban environment

DOI 10.30725/2619-0303-2023-3-67-72

Андреа Палладио (Андреа ди Пьетро дельла Гондола, 1508–1580 гг.) – один из тех величайших творцов Ренессанса, кто стоял у истоков становления загородных резиденций как самостоятельного функционального типа в архитектуре на этапе превращения сельской виллы в репрезентативное жилище, полностью лишенное фортификационных задач по сравнению с замком, укрепленным феодальным помещением. Итальянская знать в Средние века и несколько позднее, в отличие от аристократии иных европейских стран, вынужденно проживала в городах [1, с. 80, 247–248], и выезд на лоно природы за пределы крепостных стен осознанно рассматривался как рекреационная акция, требующая не

только иных построек, но и нового осмысления природы как пространства отдыха и безмятежного спокойствия. Идиллия сельской жизни, образы беззаботного времяпрепровождения в удаленной глуши были почерпнуты у древнеримских поэтов, а также из писем Плиния Младшего, восхищенно повествующего об устройстве своих усадеб – Лаврента [2, с. 36–39] и на озере Комо.

Культура Ренессанса во многом была обусловлена творческим досугом, тем свободным временем, которым владели представители социального верха для чтения древних текстов, бесед, ученых занятий, коллекционирования, создания своих собственных произведений. Уединенное

место, располагавшее к интеллектуальным удовольствиям, понималось как часть природы, которая в позднее Средневековье рассматривалась не только как стихия, борьба с которой позволяет обрести материальные блага и средства к существованию, но и как эстетически воспринимаемый объект, дарующий смыслы, становящиеся постепенно духовными ценностями. Эпоха Великих географических открытий показала, насколько различной может быть природа: близкая, родная и знакомая, наблюдаемая из окна кабинета; и далекая, чужая и дикий, требующая упорной конкисы. Загородная резиденция в XVI столетии становится архитектурной оправой для первой, где сельскохозяйственные пажити, виноградники и господский сад превращаются в обжитую и цивилизационно обустроенную земельную недвижимость, гарантирующую житейский комфорт и радости для души и тела, о чем пишет в своих «Четырех книгах об архитектуре» сам Палладио [3, кн. II, с. 47]. На лоне усмирённой природы здание виллы приобретает новые связи с окружающим пространством, и формальные, и содержательные.

Большинство вилл, спроектированных А. Палладио, отличает экстравертный характер. Зодчий отказывается от полностью замкнутого контура и дает возможность объёму постройки постепенно раскрыться в окружающую среду через промежуточные (между интерьером и экстерьером) формы – колоннады, портики, арочные лоджии, парадные дворы, как это мы наблюдаем в случае с виллой Эмо в Фанцоло близ Тревизо (1550-е гг.) с ее протяженными аркадами. Имеющий большой опыт строительства внутри городских стен, в условиях тесной застройки Виченцы и Венеции, А. Палладио успешно раскрывает композицию сооружения наружу. Все его постройки говорят о стремлении соединить здание и среду, ворваться в нее значительной частью, погрузить туда дополнительный объём, что не позволяет нам согласиться с некоторыми исследователями, отрицавшими средовой, ансамблевый принцип в творениях зодчего [4, с. 24, 28]. Если в Базилике, перестроенной из средневековой церкви (1549–1617 гг.), и палаццо (лодгии) дель Капитано (1571 г.) это осуществляется посредством глубокой аркады, в палаццо Кьерикати (1550-е гг., все три постройки – в Виченце) за счет ажурной двухъярусной колоннады на главном фасаде, то в церкви

Сан-Джорджо Маджоре в Венеции (1565–1610 гг.) это обеспечивается далеко выступающими из тела храма рукавами трансепта. Город не всегда давал возможность для свободного развития форм вовне. В церкви Иль Реденторе (1576–1592 гг.) хорошо заметно, что ввиду тесноты строительного участка пришлось отказаться от развитого трансепта, сделав акцент на слабой расчленённости восточной части, примыкающей к подкупольному пространству. Загородный ландшафт снимал такие ограничения, обеспечивая установление максимально близкой связи между постройкой и прилегающими к ней локациями самого имения.

Окружающий виллу природный ландшафт становится частью всей архитектурной композицией, а не просто случайной данностью, как это зачастую происходило в отношении средневековых замков-маноров. Человеком, свободным от тяжелого физического сельскохозяйственного труда, качества природы начинают восприниматься как эстетические компоненты: Палладио характеризует виллу Триссини в Меледо словами «место прекраснейшее» в своем описании поместья [3, кн. 2, с. 62]. Восхищение ее красотой приводит к желанию моделировать природные формы, подчиняя их представлениям об упорядоченном универсуме. Сады и парки (одомашненная натура) развиваются из архитектурного ядра постройки, становящейся центром всей системы «здание-ландшафт». Поскольку умозрительный человеческий опыт убеждал в беспредельности космоса, а заокеанские путешествия доказали отсутствие условных границ средневековой картографии, убедив, что линия горизонта может быть смещена при движении на все 360 градусов дуги (кругосветное путешествие Ф. Магеллана и Х. С. Элькано, 1519–1522 гг.), постольку парковая зона загородных резиденций если и не была безграничной, то, во всяком случае в ренессансном мировосприятии, имела исключительно экстравертный характер, открытый внешнему миру. Подобная открытость допускалась на относительно безопасных территориях, т. е. таких, которые располагались в глубине геополитических образований. Тому способствовал нарастающий с XVI в. абсолютизм и формирование крупных национальных государств в эпоху Нового времени (Англия, Испания, Франция, Россия), когда удаленность от границ снимала необходимость в поместьях-кре-

Палладианский ландшафт как культурное наследие

постях внутри одной страны. Именно это обстоятельство приведет к исключительному развитию парковой системы загородных резиденций во Франции в XVI–XVII вв., отчасти и отдаленно унаследовавшей уроки палладианства, что можно было бы наблюдать в Во-ле-Виконт (1656–1661 гг., Л. Лево, А. Ленотр).

Если бросить беглый взгляд на местоположение сохранившихся вилл Палладио, то несложно заметить их общего размещения на территории сухопутных владений Венецианской республики, в Венето [5, с. 144]. Знаменитая вилла Ротонда (вилла Капра, 1551–1580-е гг.) находится менее чем в километре от Виченцы на живописном холме, окаймленном рекой Бакильоне, и в окружении виноградников и рощ.

Природный ландшафт с маленьким палаццо внутри их общей композиции предполагает наличие ядра, которое является отголоском и пережитком геоцентризма во времена астрономических открытий и перехода к гелиоцентрической картине мира [6]. В палладианских сооружениях наглядно проступает кумулятивное развитие пространства от центра наружу. Центральное парадное помещение расположено, как правило, в главном корпусе [7, с. 343], от которого вовне раскрываются объемы портиков, флигелей, крыльев или циркумференций, что хорошо заметно в проекте виллы Триссино в Меледо (1553 г.). Такое объемно-пространственное решение постройки, а затем и само местоположение здания внутри естественных просторов и растительных форм, обретает, вместе с тем, устойчивую символику средоточия мира, той исходной позиции внутри космологических координат, из которых созерцает вселенную хозяин загородного дома. Уподобление жилища модели универсума через симметрию плана и купольное покрытие центрального зала отчетливо прослеживается в упомянутой уже вилле Ротонда близ Виченцы. Человек в центре мира, символически поданный через композиционный центр дворцово-паркового ансамбля, является запоздалой негативной реакцией носителей гуманистического ренессансного антропоцентризма на смену космологических парадигм коперниканской революции XVI столетия. Нежелание видеть себя смещенным на третью орбиту от светила, сохранение пусть и эфемерной иллюзии главенствующего расположения человека в системе ценностей мира, обна-

руживается вплоть до XIX в. Палладианский ландшафт способствовал такому антропоцентризму. Он давал почувствовать себя в нулевой точке отсчета, начиная мысленный путь от порога собственной усадьбы через парковые боскеты и аллеи к необъятным масштабам Космоса. В иерархическом социальном обществе данная система координат с обязательным наличием начала, некоего первого места, позволяла сохранять порядок и определять каждому члену социума его ступень.

Длительное бытование иерархического общества способствовало и сохранению палладианского ландшафта как архитектурной модели загородного комплекса построек, неважно, являлись ли они частью обширного поместья, сельским храмом или зданием, предназначенным для научной институции. Именно поэтому дошедшие до наших дней объекты подобного рода нельзя рассматривать в отрыве от природного ландшафта, а сам природный ландшафт в контексте палладианской модели виллы, безусловно, является культурным наследием ввиду наличия в нем богатых архитектурно-художественных, исторических и символических содержаний. Это пространство не всегда бывает очевидным с позиции ценностей и смыслов и потому сохраняемым как объект культурного наследия.

Специфика рельефа местности палладианского ландшафта не укрылась от внимания архитекторов Нового и даже Новейшего времени. Незначительные перепады высот, холмистый характер местности, наличие реки или озера, растительность, нивелируемая под задачи организации парка или сада, возможность трансформации строительных участков ввиду относительной мягкости грунтов. Виллы Палладио на территории Венецианской республики расположены с учетом «места удобного и здорового», что демонстрирует определенную преемственность античных принципов, почерпнутых у Витрувия, которого Андреа Палладио читал и комментировал. Идеи палладианской архитектуры находят особый отклик в Англии еще в XVII в., а в России – начиная со второй половины XVIII столетия, чему способствует сама природа, удобство географической местности. Там, где физические условия не полностью соответствовали задуманному, проводились ирригационные и иные работы по изменению ландшафта. Однако на уровне

частного строительства, в сельской глуши дворянских поместий, особенности климата и географии помогли выбору наиболее удачных локаций для строительства резиденций в палладианском вкусе. Нет ничего удивительного, что Чисвикская вилла (1726 г.) лорда Берлингтона обнаруживает удивительную гармонию с окружающим ее парком, лужайками и рощами, демонстрируя идеал «английской деревни» с ее одновременно естественностью и исключительной устроенностью. Вместе с тем сад этойвиллы, спроектированный Уильямом Кентом, имитирует палладианские мотивы, посредством канала, намекающего на реку Брента [8, с. 253–256]. Русские дворянские усадьбы последней трети XVIII в. невозможно считать на уровне полноценной архитектурной композиции без окружающих ее просторов, какими бы безыскусными не были художественно-выразительные средства, применяемые мастерами, работавшими на провинциальных помещиков. Даже в XIX столетии мы найдем это устойчивое желание превратить свой загородный дом в центр собственной, маленькой и уютной вселенной, в границах родового гнезда. Поместье Н. А. Некрасова в деревне Карабиха, господский дом с центральной башенкой, возвышающийся на круче над парком, ручей, протекающий через рощу, и бельведер (в данном случае – площадка у ограды для любования низиной), – все это отсылает к итальянскому первоисточнику, сильно переработанному временем, вкусами и привычками другой культуры. Стоит ли говорить о прямых параллелях, когда палладианская парадигма не просто угадывалась, но назидательно демонстрировалась архитекторами, прививавшими палладианство на русской почве, подобно Ч. Камерону в Павловске, где дворец (1780–1786 гг., Ч. Камерон, В. Бренна, А. Воронихин) и парк, сквозь призму классицизма, все же повествуют о ренессансном первообразе.

Если императорские резиденции и усадьбы, освященные авторитетом известных имен, подлежат безусловной заботе, то иные памятники надзорные органы сохраняют лишь на уровне их ядра, часто пренебрегая окружающим ландшафтом, как культурной формой и, следовательно, как наследием. Так, например, совершенно печальная судьба постигла церковь Св. Екатерины в Мурино (1786–1790 гг.) архитектора-палладианца Н. А. Львова, выдающегося мастера русского зодчества

эпохи классицизма. Построенная на возвышенном участке среди пологих холмов и недалеко от реки, она являлась более чем два столетия высотной доминантой ландшафта, поднимаясь своей колокольней над центрическим объемом основной части. Композиция здания, выстроенного относительно вертикальной оси с колокольней-бельведером, окруженной колоннадой и покрытой куполом, подобно вилле Ротонда Палладио, где купол над кубическим массивом в сопровождении портиков задает пространственный ориентир; место, выбранное для доминирования в ландшафте, река Охта и холмы, – все было созвучно итальянскому образцу. Екатерининская церковь еще в 2006–2007 гг. была хорошо видна издали, стоило пересечь железнодорожное полотно, параллельное улице Руставели и бросить взгляд на север через холмы и поля. Сейчас храм обнесен теснящимися вокруг станции метро «Девяткино» многоэтажными жилищными комплексами. Пейзажные виды, зрительные эффекты, возникающие в ландшафте, разрушены. Такая же участь, практически, постигла комплекс Пулковской обсерватории. Палладианская по духу и композиции купольная постройка (если говорить о главном корпусе с павильонами, 1834–1839 гг., архитектор А. П. Брюллов) неслучайно расположена на возвышенности, хотя и по соображениям астрономической целесообразности, в художественном отношении прочно заняла свое место в эстетической ткани ландшафта Пулковских высот. Невысокие холмы, река Пулковка, дорога, уходящая к петербургскому центру, и сейчас хорошо видному из прилегающего парка, навевают воспоминание о палладианских прототипах. Однако подступающий с севера город и строительство нового квартала с юга, а также постоянные попытки покуситься на парк, грозят окончательно разрушить этот ландшафт как культурную форму и как наследие. Обсерваторию в Хельсинки (1831–1834 гг., К.-Л. Энгель, Ф.-В.-А. Аргеландер), центр природного уголка на холме и в окружении скал, в качестве историко-культурной локации финской столицы спасла от поглощения городом близость к заливу. Здесь пейзаж дополнен обширным водным пространством.

Если проблема сохранения ландшафта в его палладианском ключе в случае с крупными комплексами и объектами хотя бы подлежит верификации, то архи-

тектура малых форм довольно быстро теряет связь со средой, которую изменяют без какой-либо оглядки на ее возможную историко-культурную ценность. Для примера приведем такой тип постройки, как парковая ротонда, в просторечии именуемая беседкой. Очевидно, что в своем классицистическом и позднеклассицистическом варианте, в любом исполнении с применением классических архитектурных форм, правильного ордера колоннады и купольного покрытия, она восходит к центрическим сооружениям (изначально храмовым) эпохи Возрождения. Постепенное редуцирование масштаба, композиции, конструкции и символического содержания данного типа сооружения привело к появлению смотровой площадки аттрактивного свойства и сопутствующих этому народных забав (selfie, групповые фотоснимки, фотосессии брачующихся, навешивание на балюстраду амбарных замков для скрепления любовных уз и т. п.). Основная функция такого объекта – архитектурное обозначение точки обзора того или иного примечательного вида. Иными словами, ротонда и ландшафт, наблюдаемый из нее, связаны оптическим опытом наблюдателя, его визуальными устремлениями и наличием определенной визуальной культуры, представлениями об эстетически приемлемом эффекте во время получения зрительных впечатлений от пейзажа. В назначение ротонды-беседки уже заложена ценность наблюдаемого ландшафта и, следовательно, необходимость его сохранения, что происходит, к сожалению, далеко не всегда. В этом отношении показательны ситуации волжских городов, где беседки становятся «брендированными» памятниками, что объясняется ландшафтом, высоким берегом реки и открывающимися просторами. Ротонда Палладио словно уменьшается до размеров паркового павильона что, в сущности, отвечает назначению оригинала, так как вилла Капра не была удобным загородным жилищем [9, с. 533–535], а скорее служила символическим присутствием вичентинских гуманистов на лоне природы. Река же, наоборот, превращается в подлинную стихию гигантского водного потока (вряд ли подлежат сравнению маленькая Бакильоне и могучая Волга). В этих условиях связь локации для наблюдения и наблюдаемых пространств, казалось бы, должна быть нерушима. Однако если, например, ротонда на Стрелке в Ярославле откры-

вает безупречный вид на слияние Волги и Которосли, на ток самой воды, низкий берег и слободу Коровники с ее дивными храмами, то беседка у Мякушкинского спуска (1840-е гг.) позволяет увидеть помимо Волги лишь активную застройку Заволжья и ее специфическую современную архитектуру. В Костроме знаменитая беседка А. Н. Островского, реконструированная, а по сути, построенная в 1956 г. по проекту Г. И. Зосимова, несмотря на земляной вал, возвышающий ее над берегом, из-за озеленения набережной лишена оптической связи с дальними видами, в летний период во всяком случае.

Причины, по которым ландшафт (и в том числе тот, который мы обозначили как палладианский) зачастую утрачивает свое величие, а порой и вовсе разрушается, вызваны к жизни утилитарным подходом в градостроительстве и архитектуре. Свободное пространство понимается как незастроенное, неэксплуатируемое, не приносящее доход, а, следовательно, бесполезное. Капиталистическая индустрия строительства современных городов не терпит пустоты, которая заполняется без каких-либо сожалений, а нередко и знаний о том, что лакуны, протяженности и открытая среда являются неотъемлемыми элементами градостроительной эстетики и в таком ее виде становятся частями архитектурно-художественной композиции, требующей сохранения в качестве культурного наследия.

Список литературы

1. Дживелегов А. К. Средневековые города в Западной Европе. Москва: Изд. дом «Книжная находка», 2002. 301 с.
2. Письма Плиния Младшего: кн. I–X / изд. подгот.: М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. Москва: Наука, 1982. 408 с.
3. Палладио А. Четыре книги об архитектуре / пер. И. В. Жолтовского. Москва: Архитектура-С, 2007. 352 с.
4. Аркин Д. Е. Образы архитектуры. Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2013. 367 с.
5. Constant C. The Palladio guide. New York: Princeton Architectural Press, 1993. 148 p.
6. Мухин А. С. Трансформация ренессансной картины мира в купольной архитектуре Италии в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2 (31). С. 30–37.
7. Бартенев И. А. Зодчие итальянского Ренессанса. Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2007. 382 с.

А. С. Мухин

8. Кидсон П., Мюррей П., Томпсон П. История английской архитектуры / пер. с англ. Л. А. Игоревского. Москва: Центрполиграф, 2003. 380 с.

9. Лисовский В. Г. Архитектура эпохи Возрождения. Италия. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2007. 613 с.

References

1. Dzhivelegov A. K. Medieval cities in Western Europe. Moscow: Publ. house «Book Find», 2002. 301 (in Russ.).

2. Sergeenko M.E. (ed. prepared), Dovatur A.I. (ed. prepared). Letters of Pliny the Younger: bks I–X. Moscow: Nauka, 1982. 408 (in Russ.).

3. Palladio A.; Zholtovsky I. V. (transl.). Four books about architecture. Moscow: Architecture-S, 2007. 352 (in Russ.).

4. Arkin D. E. Images of architecture. Moscow: B.S.G.-Press, 2013. 367 (in Russ.).

5. Constant C. The Palladio guide. New York: Princeton Architectural Press, 1993. 148.

6. Mukhin A. S. Transformation of the Renaissance worldview in the dome architecture of Italy in the XV–XVI centuries. Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture and Arts. 2017. 2 (31), 30–37 (in Russ.).

7. Bartenev I. A. Architects of the Italian Renaissance. Moscow: B.S.G.-Press, 2007. 382 (in Russ.).

8. Kidson P., Murray P., Thompson P.; Igorevsky L. A. (transl.). A History of English architecture. Moscow: Tsentrpoligraf, 2003. 380 (in Russ.).

9. Lisovsky V. G. Renaissance Architecture. Italy. Saint-Petersburg: ABC-classics, 2007. 613 (in Russ.).